

пылала ярость, но тело повиновалось моему приказу. Каким-то образом я укротил это чудовище — наложил на него заклятие. Но спящие существа просыпаются, а действия заклятий заканчиваются. Особенно если эти заклятия наложены случайно. Я чувствовал, как звереет пустота под обмякшей телесной оболочкой.

Эддисон ткнулся носом в мою ногу.

— Сейчас сюда явятся другие твари. Это чудовище нас отсюда выпустит?

— Поговори с ним еще, — дрожащим и срывающимся голосом попросила Эмма. — Прикажи ей проваливать.

Я попытался подобрать нужные слова, но они от меня ускользали.

— Я не знаю как.

— Минуту назад знал, — напомнил Эддисон. — Мне показалось, что в тебя вселился демон.

Минуту назад эти слова просто сами слетели у меня с языка, прежде чем я успел хоть что-то понять. Теперь, когда я пытался их повторить, это напоминало ловлю рыбы голыми руками. Они ускользали, едва я успевал их коснуться.

Убирайся! — закричал я.

Это прозвучало по-английски. Пустота не шелохнулась. Я напрягся, впился взглядом в ее чернильные глаза и предпринял еще одну попытку.

Убирайся отсюда! Оставь нас в покое!

Снова английский. Пустота наклонила голову, как озадаченный пес, но в остальном осталась неподвижна, как статуя.

— Она ушла? — спросил Эддисон.

Кроме меня, ее по-прежнему никто не видел.

— Она все еще тут, — ответил я. — Я не знаю, что с этим делать.

Я чувствовал себя ужасно глупым и беспомощным. Неужели мой дар так быстро исчез?

— Ничего страшного, — вмешалась Эмма. — В любом случае, бесполезно что-то объяснять пустоте.

Выбросив вперед руку, она попыталась зажечь пламя, но оно тут же зашипело и погасло. Это ее, похоже, окончательно обессилило. Я крепче обнял ее за талию, опасаясь, что она упадет.

— Побереги силы, спичка, — посоветовал ей Эддисон. — Я уверен, что они нам еще пригодятся.

— Если это потребуется, я буду драться с ней голыми руками, — заявила Эмма. — Самое важное сейчас — пока не поздно, найти остальных.

Остальные. Мне казалось, я до сих пор вижу, как они исчезают в глубине тоннеля. Одежда Горация была в полном беспорядке. Бронвин при всей ее силе нечего было противопоставить пистолетам тварей. Енох был совершенно оглушен взрывом. Хью воспользовался хаосом, чтобы сдернуть с Оливии ее тяжелые туфли и увлечь за собой, едва успев поймать улетающую девочку за пятку. И все они исчезли после того, как их, плачущих и испуганных, вооруженные твари затолкали в поезд. Наши друзья исчезли вместе с имбриной, спасая которую мы чуть не погибли. И сейчас поезд уносил их сквозь недра Лондона к судьбе, горшей, чем смерть. *Уже слишком поздно*, — подумал я. Стало поздно в тот момент, когда солдаты Каула штурмом взяли ледяное убежище мисс Королек. Стало поздно в тот вечер, когда мы приняли злобного брата мисс Сапсан за нашу обожаемую имбрину. Но я поклялся себе, что мы найдем наших друзей и нашу имбрину, чего бы нам это ни стоило, даже если мы обнаружим лишь их тела, даже если для этого понадобится заплатить и собственной жизнью.

Итак, размышлял я: где-то в этой мерцающей темноте имеется выход на улицу. Дверь, лестница, эскалатор, все это было где-то у дальней стены. Но как туда попасть?

Убирайся к чертовой матери с моей дороги! — заорал я, предпринимая еще одну отчаянную попытку.

Естественно, снова английский. Пустота замычала, как корова, но не двинулась с места. Все было тщетно. Слова исчезли.

— План Б, — сообщил я друзьям. — Поскольку она меня не слушает, придется ее обойти. Будем надеяться, что она так и будет стоять, где стоит.

— Как именно мы будем ее обходить? — спросила Эмма.

Чтобы пройти как можно дальше от пустоты, было необходимо пробраться сквозь горы битого стекла, изрезавшего бы обнаженные ноги Эммы и лапы Эддисона. Я задумался над этой проблемой. Я мог бы взять на руки собаку, но все равно оставалась Эмма. Я мог выбрать осколок стекла побольше и вонзить его в глаза чудовищу. Однажды этот прием меня уже спас. Но если бы мне не удалось убить его первым же ударом, оно наверняка

тут же очнулось бы, и тогда погибли бы мы. Единственное, что оставалось, — это пройти по узкому свободному от стекол проходу между пусто́той и стеной. Но он был действительно очень узким — не более полутора футов в ширину. Даже прижавшись к мрамору спинами, нам с трудом удалось бы протиснуться в эту щель. Я опасался, что такая близость к пусто́те или, того хуже, случайное ее касание способно нарушить хрупкое оцепенение, удерживающее ее от нападения. Но кроме этой последней возможности нам оставалось разве что отрастить крылья и перелететь через голову чудовища.

— Ты сможешь идти? — спросил я у Эммы. — Или хотя бы переставлять ноги?

Она выпрямилась, опустив руку, которой обнимала меня за талию.

— Думаю, что смогу.

— В таком случае вот как мы поступим — нам придется мимо нее проскользнуть. Места мало, но если прижмемся спинами к стене и будем осторожны...

Эддисон тут же меня понял и вжался в телефонную будку.

— Ты думаешь, стоит к ней приближаться?

— Нет, не думаю.

— Что, если она очнется, когда мы будем...

— Не очнется, — заявил я с уверенностью, которой не испытывал. — Просто не делайте резких движений и... что бы ни происходило... не прикасайтесь к ней.

— Теперь ты наши глаза, — вздохнул Эддисон. — Да поможет нам Птица.

Подняв с пола длинный и тонкий осколок стекла, я сунул его в карман. Сделав два шага к стене, мы прижались к холодным мраморным плитам и начали двигаться в сторону пусто́ты. По мере нашего приближения ее глаза поворачивались и она по-прежнему пристально следила за мной. Всего несколько осторожных шагов в сторону, и нас окутала волна источаемого пусто́той смрада, настолько зловонного, что у меня даже слезы на глаза навернулись. Эддисон закашлялся, а Эмма прижала к носу ладонь.

— Еще совсем чуть-чуть, — срывающимся от отчаянного напряжения и деланного спокойствия голосом произнес я.